

АКАДЕМИК М.А.ЛАВРЕНТЬЕВ — УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

Из книги воспоминаний об основателе Сибирского отделения Академии наук.

В издательстве "Наука" (Москва) в серии "Малоизвестные страницы из жизни некоторых ученых" вышла книга воспоминаний об академике М.А.Лаврентьеве, написанная академиком Г.И.Марчуком и его супругой, О.Н.Марчук. Предлагаем нашим читателям фрагменты из книги.

Гурий Марчук

Михаилу Алексеичу Лаврентьеву всегда удавалось решать проблемы, которые многим казались неразрешимыми. Поэтому в 1957 году я не удивился, когда узнал о том, что он вместе с выдающимися учеными С.Л.Соболевым и С.А.Христиановичем внес в правительство предложение о необходимости создания Сибирского отделения Академии наук СССР. Это предложение правительством было поддержано, и научный люд двинулся в Новосибирск, в 30 км от которого началось строительство научной столицы Сибири — новосибирского Академгородка.

Моя встреча с Михаилом Алексеичем и Сергеем Львовичем произошла в 1962 году в Обнинске, где я работал над методами расчета ядерных реакторов. Сначала Сергей Львович, а затем Михаил Алексеич посетили Физико-энергетический институт, где и произошло наше знакомство. Свои работы в атомной энергетике я завершил защитой докторской диссертации, выпустил две монографии, которые стали известны в нашей стране и были переведены в ряде зарубежных стран. Я начал подумывать о новом деле, и именно в это время М.А.Лаврентьев и С.Л.Соболев сделали мне предложение поехать в Сибирь. Прежде чем согласиться, я решил съездить туда посмотреть, что это такое.

В апреле 1962 года я приехал в новосибирский Академгородок. Будущая столица науки Сибири только-только начала определять свои контуры, но размах работ настолько впечатлял, что дух захватывало. Несомненно, по масштабу это был удивительный эксперимент. Увидев проспект Науки, где уже возвышались корпуса полутора десятков пока еще не достроенных институтов, я понял, что принял правильное решение — переехать в Сибирь.

На следующий после моего приезда день (было воскресенье) Михаил Алексеич Лаврентьев пригласил меня съездить на его газике к Обскому морю. Апрель 1962 года был удивительным. Днем температура воздуха поднималась до 25 градусов. Все сотрудники с семьями, с детишками поспешили на море. Людей было очень много, как будто это было побережье Черного моря. Остановившись на берегу, Михаил Алексеич взял на базе маленькую прогулочную весельную лодочку и предложил мне покататься. Это было замечательное путешествие. Назавтра я вылетел в Москву, чтобы уже в сентябре вместе

с семьей приехать сюда на работу. Сибирский период, пожалуй, самый главный период моей научной жизни, незабываемый. 18 лет активного творчества прошли в Академгородке. Эти годы и по сей день питают меня не только накопленным жизненным опытом, но и конкретными научными знаниями.

Мне повезло работать в Сибирском отделении с такими учеными-подвижниками, как С.Л.Соболев, А.И.Мальцев, А.А.Трофимук, И.Н.Векуа, С.А.Христианович, А.М.Буджер, А.В.Николаев, Г.К.Боресков, П.Я.Кочина, Д.К.Беляев, А.П.Окладников, и многими другими активными основателями Сибирского отделения АН СССР. Но с особой теплотой вспоминаю о работе в течение многих лет с Михаилом Алексеевичем Лаврентьевым — основателем и главой Сибирского отделения.

Я был директором Вычислительного центра, созданного по инициативе М.А.Лаврентьева. Михаил Алексеевич осознал важность ЭВМ задолго до того, как вычислительная техника стала обычным делом. Это одно из предвидений академика Лаврентьева, который вместе с академиком С.А. Лебедевым стоял у истоков зарождения этой важнейшей научно-технической отрасли.

В 1962 году в Сибирском отделении парк вычислительной техники состоял из одной ЭВМ — "М-20".

Фото Р.Ахмерова,
1961 г.

Началась бурная компьютеризация всех институтов, и машинного времени в нашем Вычислительном центре хронически не хватало. Положение складывалось критическое: возбужденные директора институтов буквально набросились на меня — директора ВЦ. Я страдал и думал, как выйти из этого положения. В результате я пришел к спасительной мысли, которую использую и поныне: я придумал новый метод отношений с институтами на экономической основе.

Обычно на зарплату сотрудникам и исследовательские цели нашему ВЦ выделялось 2 млн рублей, из которых значительная часть шла на поддержание наших вычислительных дел. Я предложил эти 2 млн рублей распределить между всеми институтами пропорционально времени использования ЭВМ. С точки зрения членов президиума это был какой-то абсурд. Но мудрый Михаил Алексеевич поддержал меня, объявив это экспериментом. Многие говорили, что я делаю чудовищную ошибку. Как можно отдать свое?

Прошел месяц, и все наши деньги пришли к нам через расчеты за машинное время. Все претензии в наш адрес прекратились, поскольку директора институтов стали сами заниматься распределением денег на оплату ЭВМ, изучением постановки задач, многие из которых просто отвергались. Это был мой первый эксперимент по хозрасчету. С тех пор я понял, что хозрасчет — это путь к наиболее правильной организации труда.

Еще одно воспоминание. В 1964 году Михаил Алексеевич пригласил меня с М.М.Лаврентьевым и Н.А.Шиловым совершить поездку на Чукотку, чтобы выяснить, какие проблемы там являются наиболее важными. Поездка состоялась в декабре. Мы приехали в Магадан, откуда отправились по Колымскому тракту, останавливаясь у геологов, на золотых приисках у добытчиков. Температура воздуха была около минус 50 градусов С. Мы ехали в автомашине с двойными стеклами — только они давали возможность при таком морозе смотреть на окружающий мир. Мы много говорили с людьми и пытались нащупать главные проблемы края. Таких проблем было две:

энергетика и техника в условиях Севера. Тогда только начала работать Билибинская АЭС, спроектированная в Обнинске. Появилась надежда на электрификацию Чукотки с помощью атомных электростанций. И мы послали в правительство записку с нашими соображениями о развитии энергетики на Чукотке.

Другая проблема была потруднее: наши машины — трактора, краны, бульдозеры и др. — отказывались работать при температуре ниже 40 градусов, не выдерживали этих температур и выходили из строя. Требовались разработки большой науки и новые машиностроительные материалы. Была написана записка в правительство о необходимости создания научного совета по технике Севера. Такой совет был создан. В его работе исключительную роль сыграл академик Б.Е.Патон, создав ряд программ, многие из которых были реализованы. Так М.А.Лаврентьев последовательно изучал Сибирь, создавал сеть научного обеспечения развития этого края.

И еще один важный эпизод. Н.С.Хрущев, который хорошо относился к Лаврентьеву, решил, что при правительстве неплохо иметь Совет из выдающихся ученых. Совет по науке был создан при Правительстве СССР под председательством М.А.Лаврентьева. В него вошли 17 ученых, таких как М.В.Келдыш, В.А.Кириллин, П.Л.Капица, А.А.Дородницын, Б.Е.Патон и др. Меня утвердили ученым секретарем (в то время я был членом-корреспондентом АН СССР).

Наш совет был настолько представительным, что все ждали наших предложений. Так, на совете мы практически "похоронили" проект строительства Нижне-Обской ГЭС, которая затопила бы значительную часть Западно-Сибирской низменности — Совет Министров СССР принял решение об отмене строительства. Рассматривались проблемы новых технологий и их применения, вопросы образования в стране. Мы добились восстановления 10-летнего образования вместо 11-летнего. Многие проблемы прошли через наш совет, который стал "возмутителем спокойствия". В 1964 году, как только Н.С.Хрущев был смещен со своего поста, буквально на следующий день был ликвидирован и наш совет. Это уже история, но ее полезно знать.

Еще один штрих к портрету М.А.Лаврентьева. В 1965 году он пригласил меня присоединиться к экспедиции на озеро Байкал. Заканчивалось строительство Байкальского целлюлозного завода (БЦЗ) и Селенгинского комбината, выпускающего картон. О делах байкальских много нам рассказал Г.И.Галазий — в ту пору директор Лимнологического института СО АН СССР. Мы посетили площадку БЦЗ, говорили со специалистами и строителями. В результате у нас укрепилось мнение, что пускать БЦЗ нельзя. Ущерб Байкалу будет нанесен непоправимый, поскольку технология производства, очистка стоков и транспортировка леса по Байкалу могли погубить этот уникальный водоем, содержащий 20 % всей пресной воды планеты.

После поездки Михаил Алексеевич написал письмо в правительство о недопустимости строительства БЦЗ. Была образована комиссия ЦК и Совмина, в которую был включен и Лаврентьев. Правительственная комиссия выезжала на Байкал, там ее хорошо принимали, и комиссия приняла решение о продолжении строительства БЦЗ. Не подписал эту записку только М.А.Лаврентьев. Он послал в правительство телеграмму о несогласии с выводами комиссии.

Михаил Алексеевич Лаврентьев был подвижником. Науку и жизнь он понимал системно, хотя иногда страдал субъективизмом в оценке отдельных людей и направлений науки. Но он был таким, каким был. Главным для него оставалось развитие науки в Сибири. В этом его индивидуальность. Можно с уверенностью сказать, что, не будь М.А.Лаврентьева и его ближайших соратников, еще неизвестно, как бы развивалась наука в Сибири. Драгоценное время могло быть упущено.

С самого начала формирования Сибирского отделения М.А.Лаврентьев провозгласил методологическую триаду: развитие исследований, внедрение результатов в народное

хозяйство и подготовка кадров. Эти принципы были восприняты научным сообществом. В Академгородке был открыт университет, создана физико-математическая школа. Академгородок окружал так называемый пояс внедрения — конструкторские бюро и опытные производства министерств и ведомств. И это далеко не все.

Эстафета в 1975 году была передана мне, и я вместе с Президиумом СО АН продолжал дело М.А.Лаврентьева.

Теперь немного о М.А.Лаврентьеве не как об ученом, а как о человеке. Впрочем, работа и личная жизнь были для него неразделимы. Дома, общаясь с родными и друзьями, он жил мыслями об Академгородке, о науке.

Михаил Алексеевич одевался очень просто и был прост в обращении с людьми — никакой чванливости и высокомерия. Он носил темные клетчатые рубашки-ковбойки и не любил галстуки. Белую рубашку с галстуком он надевал, только когда приезжали высокие официальные гости. Дружил он больше не с маститыми учеными-академиками, а с молодежью.

Вероятно, это осталось с той поры, когда он, воплощая идею об Академгородке, позвал с собой своих учеников, аспирантов. Они, не раздумывая, поехали с ним и поселились в тайге в холодных щитовых домиках без всяких удобств. На такую авантюру способны были только Михаил Алексеевич и молодежь. Пережитые трудности первых двух зим в Волчьем Логу, который переименовали позже в Золотую долину, оставили след на всю жизнь: Михаил Алексеевич с Верой Евгеньевной и аборигены городка стали не просто друзьями, а родными людьми. Когда мы поселились в Золотой долине и влились в эту компанию, мы почувствовали это.

По субботам Михаил Алексеевич звонил нам и еще нескольким друзьям и приглашал пойти, а чаще поехать в воскресенье куда-нибудь на природу. Мы с удовольствием принимали предложение. Назавтра, наполнив сумки едой, мы всей компанией, иногда очень большой, собирались на золотодолинском пятачке. До лодочной станции добирались газиком Лаврентьева и "Волгой". Там пересаживались на лодки и доплывали до ближайшего острова — Тань и Вань.

Как хорошо на острове летом! Детишки, которых было больше десятка, купались до посинения. Мужчины развлекались по-разному: я, например, пытался что-нибудь поймать на спиннинг. Михаил Алексеевич в рубашке с длинными рукавами, но без брюк ходил с кем-нибудь вдоль берега и решал очередную проблему. Женщины, расстелив на песке громадную скатерть, выкладывали содержимое своих сумок и варили ведро, а то и два сборной солянки.

У нас была в Золотой долине дружная компания, и мы довольно часто собирались у кого-нибудь и коттедже на праздники или дни рождения. Михаил Алексеевич с удовольствием приходил в нашу молодежную компанию, активно участвовал в разговорах и слушал наши песни. Пил только коньяк. Часов в 10 он обычно уходил домой. Кто-нибудь из присутствующих мужчин провожал его. Это была мера безопасности — жили мы все-таки в лесу и далеко от городка.

Когда в 1959 году в Академгородок приезжал Н.С.Хрущев, он побывал в гостях в домике Лаврентьевых, перестроенном из избы лесника. Уезжая, он сказал, что мы не так бедны, чтобы президент Сибирской академии жил в какой-то избе, и что надо построить Лаврентьеву коттедж. После этого был построен персонально для Лаврентьева большой коттедж (так называемый 26-й коттедж), Михаил Алексеевич и Вера Евгеньевна переселились туда. Но ненадолго.

Через полгода Вера Евгеньевна запротестовала: "Зачем нам такой большой коттедж? Мне надоело бегать по этажам и аукаться".

И супруги Лаврентьевы вернулись в свой старый домик. Впрочем, после перестройки он уже не был таким маленьким: большая гостиная, большой кабинет, две маленькие спальни, кухня, ванная и веранда.

А 26-й коттедж женский совет стал использовать как Дом ученых для проведения вечеров отдыха. Собиралось довольно много академиков с женами. Пили чай с тортом и беседовали. Работал буфет, в котором можно было купить вино и закуски.

Однажды Вера Евгеньевна предложила членам нашей компании встречать Новый год не у кого-нибудь, а в 26-ом коттедже. Мы с удовольствием согласились. Также по инициативе Веры Евгеньевны мы стали готовить шарады для новогоднего вечера. Каждая семья втайне от других придумывала и инсценировала шараду — получился маленький спектакль в трех действиях. Самое активное участие в этом действии принимали дети. Например, брали слово "беспокойный". 1-е действие — изображали беса, 2-е — представляли покойника, 3-е — беспокойного человека. Зрители должны были по действию отгадать это слово. Слов, пригодных для показа шарад, в русском языке очень много: "му-ха", "воз-вращение", "Ки-тай", "транс-порт" и много других.

Михаил Алексеевич с удовольствием участвовал в постановке шарад. Сейчас я уже не помню точно каких, но у нас есть фотографии, где Лаврентьев с удочкой "ловит" маленькую рыбку. На другой фотографии Михаил Алексеевич в костюме мага показывает фокусы со своей дочерью Верой. Так встречали мы Новый год в течение нескольких лет.

О Михаиле Алексеевиче написано много книг. Его жизнь достойна подражания. Она была посвящена упорным научным поискам и решению многочисленных задач государственного масштаба и постоянно возникающих проблем, это была непрерывная "битва в пути". Главным делом его жизни, безусловно, было создание академической науки на востоке нашей страны — этим он прославил и себя, и своих соратников, и Академию наук в целом. Это был подвиг, совершенный Михаилом Алексеевичем во имя Родины. И народ отплатил ему огромной благодарностью за его титанический труд, который дал начало многим научным школам в Сибири и на Дальнем Востоке — в том гигантском регионе, где сосредоточены главные ресурсы страны — основа ее производительных сил.